БАБАРАН

— Бабаран, — торжественно произнес Глеб, протягивая Егору коробку из-под электрического чайника.

— Что? — не понял Егор. — Какой еще баран?

— Бабаран, бабаран, — Глеб постучал по коробке ладошкой.

— А, барабан, — догадался Егор, — не надо мне.

— Бабаран, — не отставал Глеб и пытался вручить Егору коробку.

Егор был старше Глеба на четыре года, учился в первом классе — уж в его жизни есть вещи посерьезнее какого-то бабарана. Он взял коробку и отбросил ее в сторону.

Глеб посмотрел на свой барабан, на Егора, повернулся и выбежал из комнаты. Весь день они не общались: Егор конструировал из бумаги город с многоэтажными домами, дорогами и фонтаном, Глеб в другой комнате играл с мамой в свою чудесную кухоньку со шкафчиками, холодильничком и микроволновкой.

А вечером после ужина приехали бабушка с дедушкой и увезли Глеба на дачу. У Егора впереди был еще месяц учебы, поэтому ему пришлось остаться в городе. И хотя уроками заниматься он

не очень любил, перспектива целый месяц жить одному в комнате, делать что хочешь и не подыгрывать младшему брату в его глупых играх привела Егора в восторг. Он посмотрел на свои изобретения, расставленные на полках, подвешенные на стенах, разбросанные на полу, под столом, за диваном, и ощутил, как внутри от осознания свободы разливается счастье. Егор был изобретателем. Он создавал невообразимые вещи из всего, что попадалось под руку. Здесь находились роботы, космические корабли, морские чудовища, сделанные из полосок бумаги, свернутых гармошкой; башни с окнами-пуговицами и фонарями из ватных палочек; открытки с движущимися персонажами и пластилиновые армии гоблинов в полном обмундировании. Но главной страстью Егора было создавать различные вспомогательные приборы. Над столом, например, он соорудил тетрадеручкоподавательную машину, которая, хотя и не работала так, как было задумано, поражала сложностью своей конструкции, являя собой настоящее театральное представление веревочек, ленточек, проволочек, резинок, бумажных полосок, каждую из которых Егор приводил в действие, чтобы в конце концов с подставки на стене выпадала висевшая там тетрадь с прикрепленной к ней ручкой. Зрелище было завораживающим и напрочь отметало все сомнения в эффективности данной конструкции.

Егор осмотрел свои владения и, предвкушая чудесный вечер без глебострофических помех, начал продумывать модель супербота.

— Эти два стула будут ногами, их можно связать моим покрывалом, а по бокам добавлю руки со встроенными лазерами — подойдет веник и швабра. И голова — вот и коробка, будет голова-чайник! Глеб просто с ума сойдет, когда увидит такое чудовище!

Егор, держа в руках коробку, выбежал в коридор, чтобы посмотреть, что делает Глеб и не войдет ли он раньше времени, но тут вспомнил, что Глеба увезли на дачу на целый месяц. Егор замер, потом посмотрел на коробку и вспомнил их последний разговор. Еще ни разу с того момента, как Глеба привезли из роддома, они не расставались даже на одну ночь. Когда Глеб не умел ни ходить, ни говорить, он все равно был всегда рядом, смотрел, смеялся, впитывал и подражал. А уж последний год Глеб стал настоящим другом, товарищем. Они вместе строили крепости из простыней

и подушек, покоряли моря на перевернутых табуретках, представляя себя капитанами пиратских кораблей, устраивали акробатические шоу в гамаке. И главное, Глеб всегда был первым ценителем изобретений Егора. Сам того не осознавая, Егор, создавая свои конструкции, каждый раз представлял реакцию Глеба.

Ничего в этот вечер больше так и не получилось. Егор был тихим, пытался что-то лепить, смотрел мультики, но не вникал в сюжет. За ужином он расплакался и спать лег рано. А утром, проснувшись, долго лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Время остановилось. Вставать не хотелось. Была суббота. Егор вспомнил, как всегда ждал субботы, потому что все в этот день были дома, вместе проводили суетливое утро, а затем обязательно куда-то отправлялись вместе. И Глеб при этом любил повторять свою скороговорку: «Мама, папа, Егор, Глеб — вместе!» Все смеялись. Им было хорошо. Теперь такого не будет…

И тут в дверь позвонили. Кто бы это мог быть так рано в субботу. В коридоре послышались голоса бабушки и дедушки. И Глеба! Да, это были они. Егор вскочил с кровати, рванул в коридор. И увидел раскрасневшееся, припухшее лицо брата.

— Ну, родители, — сказала, бодрясь, уставшая бабушка, — ночь, надо вам сказать, была у нас… второй такой я не выдержу: у меня давление. Вы уж простите, но придется вам самим как-то.

За чаем они рассказали, что на протяжении всей ночи каждый час Глеб садился в кровати и удивленно спрашивал: «А где Егор?» Потом, понимая, где они, ложился, закрывал глаза, а через пять минут снова садился и спокойно перечислял: «Мама, папа, Егор, Глеб — вместе. Почему без Глеба?» Глаза наливались слезами, но он не плакал. И от этого становилось жутко. Он ложился, засыпал, а через час снова садился в кровати и начинал перечислять и рассуждать. Утром, проснувшись, бабушка обнаружила, что Глеба нет в кровати. Она выбежала из спальни и чуть не натолкнулась на сидевшего на полу в коридоре Глеба. Он ничего не делал, просто сидел, смотрел своими красными, опухшими за ночь глазами и повторял одно слово «бабаран».

— И что это за слово такое? — возмутилась, рассказывая, бабушка.

Егор не выдержал и, рыдая, бросился к Глебу.

ДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Терпение заканчивалось. Мама сидела на табурете у порога, смотрела на разбросанные вокруг вещи, детей, прыгающих вокруг, и в очередной раз ломала голову над тем, как бы вывести их на прогулку.

— Мотри, как я могу, — Глеб вставал в позу и выдавал очередной артистический жест, жадно питаясь маминым вниманием. Это были его минуты славы. Теперь-то она никуда не денется, теперь она будет внимательно слушать и восхищенно смотреть, потому что знает: стоит только отвлечься, и он начнет все заново, и тогда до финала они так и не доберутся. Глеб был поистине артистичен в эти минуты, он умел себя подать, тонко донести эмоцию. И не его беда в том, что у занятых взрослых, все время куда-то спешащих и опаздывающих, не хватало терпения в сто первый раз смотреть один и тот же номер. Глеб оттачивал жест — а без зрителей правдоподобия не добиться.

Егор скакал рядом, радостно вскрикивал, озвучивая пантомимы Глеба, затем добегал до конца коридора и оттуда, представляя себя конькобежцем, скользил в носках по каменному полу до мамы, размахивая над головой, как дубиной, Глебкиным валенком. Мама была раздражена на обоих.

— Егор, надевай штаны! Ты на них стоишь. Глеб, подойди ко мне, мы идем на улицу. Егор… Глеб… — уже в течение получаса твердила она одно и то же, понимая бесполезность своих слов. Надо было срочно что-то придумать.

— А знаете, куда мы пойдем?! — вдруг заговорщически произнесла мама.

— Куда? — мальчишки замерли. Обычно после этой фразы предлагалось что-то интересное.

— Мы пойдем…

Мама еще не придумала, чем бы таким завлечь детей, поэтому быстро прокручивала в голове возможные варианты. Конечно, скажи мама, что они поедут в аквапарк купаться или в батутный центр, или, к примеру, в цирк, дети тут же бы собрались и еще подгоняли бы ее, но машина находилась в ремонте, а на общественном транспорте с пересадками добираться долго, не успеть до дневного

сна Глеба. Детей нужно было вывести на свежий воздух, вопрос — куда? Гулять они любили, однако тонко чувствовали своей детской душой разницу между площадкой, на которую ходили почти каждый день, и каким-нибудь далеким путешествием, обещающим таинственные приключения и новые, неизведанные впечатления.

— Мы поедем… на поезде к бабушке в Дмитров, — вырвалось у мамы.

Это был самый сумасшедший план из всех, что могла предложить мама. В доме у бабушки детям нравилось, но вот добираться туда — настоящее мучение: пешком до метро, на метро, затем два часа на поезде, а там на автобусе и снова пешком до дома бабушки. Нужны какие-то вещи, Глеб будет спать на руках, Егор устанет и начнет причитать, тащась где-нибудь в пяти метрах позади — мама представила весь этот ужас и поняла, что совершила глупость. Но дети услышали заветное слово — жребий брошен. Егор побежал собирать игрушки, Глеб, декламируя недавно выученный стишок «Скок, скок на лошадке, У меня звезда на шапке…», полез одеваться на колени к маме. Делать нечего — слово надо держать.

Она быстро одела Глеба, собрала вещи, которые могли бы понадобиться в таком непростом путешествии, и через двадцать минут они втроем вышли на улицу.

Весь двор, дорога, площадка были покрыты толстым слоем пушистого выпавшего ночью снега. Раскрасневшиеся и счастливые, дети бегали по площадке, перебрасываясь снежками, прячась за валунами — остатками двух развалившихся снеговиков, прыгая в большие сугробы. Никуда в этот день они не поехали. Им было хорошо вот так играть во дворе вместе. Но иногда понять близкое счастье можно, только запланировав далекое путешествие.

ХОРОШЕЕ ПИТАНИЕ

Сегодня утром у Егора случилось озарение: он посмотрел рекламу и понял, откуда взялись в нем его сила, ловкость и ум. Из маминого живота! «Полезные вещества, — услышал он, — формируют кровеносную и нервную системы, кости,

еще много-много всего и, главное, мозг ребенка!» Все факты его жизни совершенно укладывались в эту гипотезу! Он был безусловно сильным — мог поднять почти все, невероятно ловким и цепким и еще все время что-то изобретал — а это, конечно, признак большого ума!

Обдумав все детально, он побежал к маме поделиться своим открытием.

— Спасибо, мама, что ты хорошо питалась, пока я был у тебя в животе, — выложил Егор.

— Что-что? Спасибо за то, что я хорошо ела? — засмеялась от неожиданной благодарности мама, потом озадачилась:

— Егор, откуда у тебя такие мысли? Ты почему вообще об этом думаешь?

— Не знаю, просто я так подумал, давно-давно, сегодня, — с восприятием времени у Егора была беда. Он собрался было уже рассказать маме, как давным-давно, а именно полчаса назад, он посмотрел рекламу и…

Но вдруг совершенно иная мысль пронзила его сознание: а если мама питалась плохо, когда он был у нее в животе. Если ей не хватало витаминов или она ела что-нибудь неправильное, неполезное, то ведь все это непременно отразилось и на нем. И с учебой у него не ладится, и пешком он ходить не любит, и еще этот кашель уже третий день. Картина ужасного будущего представилась ему: больной, никому не нужный, с прогрессирующей слабостью мозга и тела. А вот ведь что стоило просто нормально питаться?! Эх, мама, мама. Что же теперь делать?

— Что с тобой, сынок? — прилетел откуда-то издалека голос мамы. — Егор, ты чего молчишь? О чем задумался? — мама с тревогой смотрела на него, но потом, догадавшись, что его могло так взволновать, сказала:

— Конечно, хорошо питалась, сынок. Ела за двоих!

У Егора будто камень с души упал. Он рванулся и обнял крепко маму:

— Спасибо, мама!

Как важны, оказывается, некоторые факты для счастья. Ему хотелось как можно крепче прижаться к своей ответственной и заботливой (теперь уж он не сомневался в этом) маме. И он

стоял, уткнувшись в мамин живот. Конечно, мама пока не понимала, что с ним случилось и, наверное, даже переживала за него, но это ничего, она все поймет. Ведь тогда же поняла. Значит, все поймет и теперь.

ОПЯТЬ ТЫ

Глеб встал в театральную позу, подбоченясь левой рукой, а правую приставив лодочкой ко лбу, на манер капитана корабля, всматривающегося вдаль. Придал своему лицу выражение торжественности и сосредоточенности, а затем, едва заметно повернув голову, тихо произнес: «Опять ты» — и, довольный произведенным эффектом, упал, заливаясь смехом, на диван. Это была цитата из мультика, который они вместе с мамой смотрели накануне. Глеб искусно исполнял роль мальчика, раздосадованного очередным неожиданным появлением надоевшей ему девчонки. Впоследствии героям суждено было пройти множество испытаний и стать близкими, верными друзьями, но сейчас девочка его раздражала.

Зрителем была мама. Она должна была сидеть в кресле напротив, смотреть представление, аплодировать и кричать: «Браво!» Глеб кланялся, а затем говорил: «Давай еще» — и начинал все заново. Потом еще и еще. Мама не уставала смотреть, не уставала аплодировать и кричать «браво». Как мягко, по-доброму звучала сейчас эта фраза. Совсем не так, как тогда, ребенком, произносила ее она. Ей тогда было пять лет.

«Катя, — маленькая фигура бабушки в теплом пальто не по погоде, с палкой в руках двигалась по двору, — где ты, Катя?» На лице бабушки трудно было прочитать хоть какую-либо эмоцию, как это часто случается у старых людей. Голос ее был хоть и не слабым, но старческим, нараспев. Катя пряталась на чердаке соседнего дома, смотрела на идущую внизу бабушку и ждала маму. В глубине души Катя понимала, что бабушка ее очень любит, но сама она любила маму. Хотела, чтобы рядом была молодая, красивая, веселая мама, а не эта скучная

старуха. Катя все видела и все понимала. Понимала, что бабушка не виновата в том, что постарела, не виновата, что не может так заразительно смеяться или, например, сорваться вдруг и организовать всем выезд на пикник или на речку, или в загородную усадьбу какого-нибудь художника. Это могла сделать только мама.

Но мама бывала дома редко. По будням она работала допоздна, приходила всегда затемно, а выходные часто проводила с друзьями, оставляя дочку на попечение бабушки.

Катя понимала даже, что именно бабушка день за днем отдает ей все свое время, именно бабушка каждую минуту думает о своем ангелочке — не голодна ли, тепло ли одета и не поранилась ли на улице. Не понимала Катя тогда только одного: почему она должна проводить свое время с бабушкой с ее вставной челюстью и стареньким пальто, а не с мамой, у которой были красивые руки и кольцо с рубинчиком. Тогда и родилась эта фраза. Как-то раз она сказала бабушке со всей своей детской злобой: «Опять ты!..» Потом через несколько дней снова сказала — так и повелось. Это была месть, месть за маму, за разлуку, за долгие дни и темные вечера, за молчание и одиночество, за израненную душу и утерянную красоту. Бабушка никогда не обижалась.

А потом бабушки не стало. Кате к тому времени было уже семь лет, и ее стали оставлять дома одну.

«Мама, мама, — Глеб пытался своими маленькими ручонками повернуть лицо мамы к себе, — смотри, как я могу». В очередной раз он встал в позу и произнес свою эффектную фразу. И что-то сломалось внутри: не было больше мамы, не было этих трех десятилетий, а была маленькая девочка, которая мечтала только обо одном — увидеть ее, бабушку, сказать ей, что она так раскаивается, что вот теперь она все-все знает и что ей совершенно не важно то, что казалось таким значимым тогда. А потом она прижмется к теплым морщинистым ладоням и будет ждать, затаив дыхание, когда донесутся до нее спокойные надежные слова: «Это опять я, Катя».

«Прости, прости меня, сынок, — шептала мама, обнимая растерявшегося Глеба и прислушиваясь к растворяющемуся вдали голосу бабушки, — я с тобой, я здесь, это опять я».